

Саныча к нам, первокурсникам Литинститута, подселили вечером, всего через полчаса, как третья койка в комнате освободилась. Так подкидывают надоевший хлам, о который устали спотыкаться.

Он вошёл после короткого стука с угрюмой усмешкой и, покачиваясь взад-вперёд, пробурчал невнятное приветствие. Из-за его спины маячило озабоченное лицо коменданта общежития. Тот внушительно кивал, подтверждая легальность данного вселения, а затем, не переступив порог, поспешно удалился. Саныч медленно дошагал до своего нового места и, задев тумбочку, подставил к ней потрёпанный жизнью чемодан.

– Я на две ночи, – то ли пригрозил, то ли успокоил он сиплым голосом.

Уже неважно – до конца сессии нам оставалось всего два дня. Не дождавшись ответа, Саныч принялся напевать какой-то неведомый нам, но смутно напоминавший о блатной романтике мотив.

Мы с соседом Геней переглянулись, осознавая, что влипли. За неполную неделю своего пребывания в общежитии Саныч менял уже третью комнату. В Москву он якобы приехал по важным делам, но за всё прошедшее время больше крыльца никуда не выходил и ни разу не брился, так что щетина на впалых щеках торчала иглами седого дикобраза. Мутным бледно-серым взором он с вызовом впивался то в одного, то в другого собеседника. Успев разменять седьмой десяток, на каждое несогласие непременно вскидывался в боксёрскую стойку. Это могло произойти в коридоре, за столом в комнате или у плиты общей кухни. Доносился неизменный боевой хрип: «Кто на меня?» Правда, эта его стойка была дырявой и едва ли могла защитить от прицельных ударов, если бы кто-то всерьёз решил их нанести.

Однако до драки так до сих пор и не дошло. Тщедушные мальчишки от прямых конфликтов ускользали, а крепкие мужики успокаивали друг друга и аккуратно, с уговорами отводили Саныча в сторону. Боевой хрип прекращался, Саныч позволял угостить себя, чтобы затем, уже «на свои», продолжить ожесточенно напиваться. Среди ночи входил в комнату и, в темноте добравшись до своего места, ничком валился на койку.

Вот и настала наша с Геней очередь. Гена был старше меня и из-за угловатых очков взирал на Саныча с откровенной неприязнью, очень свойственной тем, кто в недавнем прошлом сам отличился на алкогольном фронте. Теперь у него наступил период продолжительной и, кажется, прочной завязки. А тут – будто подставили зеркало, где то и дело отражаются твои былые безобразия.

Находиться поблизости от Саныча оказалось тяжело и мне. Угар первых дней сессии, громогласное веселье встреч всех со всеми и бессонные посиделки закончились, казалось, ещё в прошлую историческую эпоху. Они сменились азартом сдачи экзаменов при крайне избирательных знаниях по каждой дисциплине. Только Саныч, как игрок, выпущенный в важнейшем матче на замену, не думал останавливаться. Гнул свою линию. И каждый раз при мысли о нём, во мне пробуждалась широкая палитра чувств от непонятого уважения до брезгливой жалости.

– И надо было Ромкиной маме сейчас заболеть? – сокрушались мы о спешном отъезде нашего третьего соседа-однокурсника. Вспоминали, как весь вечер после вселения нам с Геней и Ромкой пришлось заниматься сбором и выносом мусора из всех углов комнаты. Как шуршал целлофан, трещали грязные картонки, пованивало тухлятиной. По слухам, до нас здесь проживали строители. Когда всё окончательно вынесли и вымели, остались чистота, простор и прохлада. Но вот вселили Саныча, и появилось стойкое ощущение, что весь тот мусор закинули к нам обратно.

С девушками Саныч заговаривал охотнее и в свою фирменную стойку обычно не вставал. Напротив, он оправлял свитер с неясным уже рисунком и наставительным голосом сообщал, что начал писать, когда никто из нас ещё не родился. Его творческий путь был ознаменован двумя тонкими книжками в мягких потрёпанных обложках, вышедшими в незапамятные для молодёжи годы. Никто, даже самые дотошные книжные черви, никогда о них не слышали. Однако он предъявлял ветхие экземпляры с видимой гордостью, чем нередко наводил даже большее смятение, нежели своими боксёрскими замашками.

Поздним вечером одногруппница Таня, вцепившись в меня на лестничной клетке, возбуждённо зашептала тонким голосом прямо в ухо, что всё, чего этого бич достиг в жизни – пшик. Ни-семьи-ни-детей-ни-нормальных-друзей-только-собутельники-ни-человеческого-жилья-только-комнатёнка-в-коммуналке-ни-постоянной-работы-две-никчёмные-никому-не-нужные-книжонки-весь-итог.

– Он к тебе приставал? – спросил я.

Таня резко замотала головой и продолжила:

– Всё, я решила – не буду больше писать, – она захлёбывалась от подступавших к горлу слёз. – Случайно сюда попала, правда, случайно, мне казалось – столичный вуз, интересные люди, будущее... Я же медсестра, насмотрелась на больных, новорожденных. Иногда они умирают, как ни спасай, что ни вводи. Об этом и написала, а тут... Так может закончить каждый!

Я стеснительно и неуклюже пытался её успокоить. Но дело было не во мне. Таня отмахнулась и, спотыкаясь о ступеньки, убежала в комнату. Через полгода приехала на сессию ещё раз, забрала документы и больше сюда не возвращалась.

Мы сдавали экзамены и важный зачёт из последних голодных сил. Головы пылали от напряжения, а я всё лучше понимал героя Гамсуна из недавно прочитанного романа. Лишний половник супа или кусочек поджарки в столовой казались спасением. Ради этого стоило состроить перед поварихой самый жалобный вид. Она напускала на себя строгость, но самых горемык всегда жалела и подкладывала добавку.

...Субботнее утро. Почти все наши уже разъехались. Ни Гены, ни Тани, ни остальных. Блаженная тишина и пустота внутри и снаружи. Полная счастливая обессиленность, как у марафонского бегуна после финиша. Оставалось собрать вещи, заварить себе растворимой лапши, позавтракать, сообщить об отъезде и отправиться в путь. А ещё – купить подарок маме.

Когда я встал, Саныча на его койке не было. Прошёл по пустому коридору, умылся, настраивая себя на сегодняшние заботы. От родительского надзора я отказался категорически, сам собирался и ездил между городами, но пока это было в диковинку.

Вернулся в комнату – Саныча не было. Может, это и хорошо – не придётся прощаться с натужным сожалением. У меня оставались последние пятьсот рублей, в обрез на подарок и на дорогу. И ещё картонная карточка с одной поездкой на метро.

Я точно помнил, в каком кармане куртки лежала сложенная купюра, и решил перепрятать её поудобнее. Засунул руку и вдруг понял, что денег там нет. Почувствовав выступившую испарину, вывернул карман наизнанку, расправил каждую складочку и прощупал подкладку – ничего. Проверил другие карманы – пусто.

В отчаянии осел на койку. Так, Гена уезжал вчера одним из первых, я его провожал. У других не было возможности тут долго рыскать. А Саныч оставался тут всё время и ему, конечно, понадобились деньги на опохмел. Больше некому. Значит, ко всему прочему, он ещё и вор?.. Вор, способный взять последнее? Непереносимо. Его надо найти. И что сказать после такого позора человеку, который годится тебе едва ли не в прадеды? Зачем он до сих пор живёт? За этим вот? Козёл старый!

Я высочился на поиски, даже не заперев комнату, и заматался по этажам. Людей в этот час встречалось мало, и никто не мог ответить ничего вразумительного. Коменданта я сегодня вряд ли найду. Милиция?.. Мобильные были тогда редкостью, однако мог пригодиться бесплатный городской телефон двумя этажами выше. А что им сказать? На кого заявлять? Я вдруг осознал, что не знаю ни фамилии, ни даже имени своего соседа, только отчество. Всё снова упиралось в коменданта – он должен знать.

Обежав всю общажную Ойкумену, я, задыхаясь, встал между этажами. Поглазев на металлические сетки, натянутые в пролёте, уныло побрел к себе. Плотной затворённой дверью теперь была приоткрыта.

На единственном в комнате шатком стуле возле стола боком сидел Саньч и отхлёбывал кофе из металлической кружки. Я внимательно на него посмотрел. В холодном оконном свете он был не похож на привычного себя – выбритый, трезвый, в опрятной одежде.

– Здрасьте, – пробормотал я.

– Проходи, – сказал он.

Я прошёл.

– Присаживайся.

Я присел на тонкую подстилку поверх ржавой сетки опустевшей койки.

– Ты знаешь, что он не утонул? – вопрос прозвучал как на экзамене.

– Кто?

– Сеня Курилов.

Я отрицательно мотнул головой, в которой с трудом сложились вместе фамилия знаменитого драматурга и столь фамильярная форма его имени.

– Тогда слушай. Я был с ним на озере. В той самой лодке. Сеня всегда был самый компанейский. Совсем не красавец, с виду – вылитый бурят. Но все бабы с ума от него сходили. Я был старше, у меня раньше вышла книга. Иногда похлопывал так вот Сеню по плечу и чему-то учил. А его настоящая слава ещё стояла на пороге.

Я попробовал вообразить их – молодых, переполненных неистощимой силой и бесконечным будущим.

– У нас на двоих была лодка. Ничего почти не было, а лодка была. Больше моя, но мотор покупал Сеня. Решили половить хариуса и раздобыть вина. Спустились к берегу, закинули снасти, столкнули на воду. Только рыбалка не задалась – штук пять рыбёшек. Обратно Сеня сел на руль, а я вперёд смотрел с носа. Надо было наоборот, не прощу себе, что не настоял. Но так ему хотелось самому порулить в своей штормовке и в широких мореманских ботинках. А ветерок казался лёгким, волны не было. Он посмотрел вот так в глаза и спросил: «Тебе что – жалко?» Я махнул – заводи. Так и полетели по воде на ревом моторе. Красотища кругом. Тут Сеня окликнул меня, попросил закурить. Повернулся, достаю пачку и сразу – удар, я в воде барахтаюсь, лодка перевернутая рядом. Хватаюсь за неё, она из рук рвётся. На топляк налетели, как бы я со спины разглядел? Вижу, Сеня плывёт к берегу. Он одет легче, ору ему: «Сеня, плыви, плыви!» Сам вцепился в лодку намертво, одежды на мне много, до берега точно не дотяну. А там – люди видят нас. У меня

ноги светло, руки как клешни растопырил. Сеня всё тяжелее плывёт, но до мелкой воды близко. Вот он встал на ноги, приподнялся над водой и – всё...

– Так значит, утонул? – негромко спросил я.

Он резко мотнул головой, смерил меня взглядом. Для Санюча было важно, что его товарищ не утонул, не захлебнулся, не проиграл волнам или дистанции. Он как будто снова встал в эту свою нелепую защитную стойку. Не поднимая рук, внутри себя.

– Нет. Потом сказали, сердце остановилось. Перепада температуры не выдержало. Когда вытащили, лицо было совсем синее. Так не вправду, что не верилось. Думал, его обязательно откачают и сам он за жизнь ухватится. Он мне снился потом – синим лицом улыбается широко во весь рот. Жутко. Совсем скоро его пьесы прогремели. Писали, что он гений, молодой и ранний. А у меня – всё кувырком. Он плыл в нашей... в моей лодке, столько всего хотел успеть. И вот – сплыл куда-то, на небо, наверно... А я, бездарь, остался. Уцепился за край и не отпустил, пока не дождался помощи. Многие пеняли мне за это, я их не виню.

Он шумно отхлебнул кофе и замолчал. А я вдруг почувствовал, как жёсткий каркас койки больно впивается в меня, но не пошевелился.

– Так и живу, – произнёс он, глядя повыше моей головы. – Нет, не как эту неделю. Я тоже писал, упорствовал, часами, ночами. Только редко когда что-то удавалось настоящему. Он был моложе, но как будто всё наоборот, и ты с ребячьими силёнками должен продолжить работу здорового мужика. Вырулить до берега. Вот, например...

Не глядя на меня, он прочитал одно стихотворение – сокровенную боль за внешней бравадой. Настоящее. Но, может быть, мне это показалось именно там и тогда. Память не удержала ни строчки.

– Это ваше? – робко спросил я.

– Ага, – рассеянно кивнул он.

– От души.

– Наверно, так. А знаешь, почему перо у писателей и у блатарей звучит одинаково?

Ещё один вопрос с экзамена по неизвестной мне дисциплине. Я не знал.

– Потому что перо, твоё или моё, тоже должно колоть в самое сердце.

Я не мог понять, почему он подвёл к этой странной морали.

– Ну, пойду я, пацан. Собирайся в свою дорогу. А сегодня и правда дела.

Он встал, накинул своё потёртое пальто, как-то необычайно легко подхватил собранный чемодан и вышел.

Слыша из коридора его затихающие шаги, я осознавал, что так и не спросил его о пропавших деньгах и уже не смогу ни догнать, ни выспросить. Не смогу, рот не откроется, а язык не вытолкнет нужные слова. Придётся выкручиваться непонятно как.

Я встал и принялся укладывать вещи, думая совсем не о вещах и не о предстоящей дороге. И собрал почти всё, когда сложенная вчетверо купюра вдруг нашлась во внутреннем кармане дорожной сумки. Я сел, ошеломлённый чудом. До сих пор не могу припомнить, когда именно туда её положил.